

**Война в Боснии (1992–1995 гг.) и реакция России:
историография КНР от Дейтонских соглашений 1995 г.
до наших дней**

Янь Лэй

Аспирант

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: 846928122@qq.com

ORCID: 0009-0008-9444-4265

Цитирование

Янь Лэй. Война в Боснии (1992–1995 гг.) и реакция России: историография КНР от Дейтонских соглашений 1995 г. до наших дней // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 217–249. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.10

Статья поступила в редакцию 01.11.2025.

Рецензирование завершено 07.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье исследуется историография КНР от Дейтонских соглашений 1995 г. до наших дней о политике и роли России в боснийском конфликте (1992–1995 гг.). Автор анализирует развитие китайских научных взглядов на дипломатические усилия России в контексте югославского кризиса, выявляя ключевые тенденции в интерпретации позиций России экспертным академическим сообществом КНР. Особое внимание уделяется тому, как китайские исследователи оценивали влияние боснийского конфликта на формирование внешнеполитического курса постсоветской России, ее отношения с Западом и позиционирование на международной арене. Статья также рассматривает, как менялись аналитические подходы китайских историков к этому вопросу под влиянием изменений в международной обстановке за последние десятилетия. Выделяются три аспекта интерпретации: исторические связи России с народами бывшей Югославии (особенно с сербами), геополитические интересы Москвы на Балканах и динамика отношений с Западом. Сформировавшийся в начале 1990-х гг. консенсус о том,

что внешняя политика России с 1992 г. наносила ущерб национальным интересам, трансформировался в более комплексную оценку. В китайской историографии отмечается постепенный переход российской дипломатии от идеологизированных подходов к прагматичной политике, ориентированной на национальные интересы.

Ключевые слова

Война в Боснии, китайская историография, взгляды китайских ученых, политика России, Балканы.

Этап оценок во второй половине 1990-х гг.

Завершение боснийской войны и введение внешнего управления в Боснии и Герцеговине (БиГ) стали хронологическим рубежом, позволившим китайским ученым оценивать события первой половины 1990-х гг. как завершённый процесс, что дало возможность перейти к его осмыслению в условиях постоянно удлиняющейся временной дистанции¹. Особенностью их восприятия стало то, что политологические работы начали отходить на второй план, уступая место текстам историков. Изучение действий великих держав, в том числе и России, их взаимодействия и соперничества, как и в первой половине 1990-х гг., продолжало привлекать внимание исследователей. Особенностью ситуации стало то, что в Китае в это время уделяли значительное внимание кризисным очагам планеты, среди которых балканский регион считался одним из важных, а изучение действий России в нем – необходимым. Чжан Яо, один из авторов ежегодника «Международное положение», издаваемого Шанхайским институтом международных проблем, в выпуске 1996 г. в статье «Важный поворот боснийской ситуации», оценивая события 1995 г., указал на отличия позиций Запада и России, которая «склонялась на сторону сербов в боснийском вопросе, но ее внимание отвлекали события внутри страны (проблема Чечни и выборы в Госдуму)». Он считал, что «ослабленная национальная мощь России», если сравнивать с СССР, не позволяла ей решительно вмешаться в боснийскую политику США и их

¹ Об оценках в Китае в первой половине 1990-х годов событий Боснийской войны см.: Янь Лэй. Война в Боснии (1992–1995 гг.): реакция России в оценках китайских экспертов (по научным публикациям первой половины 1990-х годов) // Славяноведение. 2025. № 6. С. 111–125.

западных союзников, [...] хотя Б. Н. Ельцин и высказал острое недовольство массированными ударами НАТО, мирный процесс в Боснии все же пошел по американскому сценарию»². С этой позицией тогда же (1996 г.) был солидарен профессор Чэнь Чжуаньцзинь (Сюйчжоуский педагогический университет). По его словам, «отличие балканской политики России как великой европейской державы от подходов Запада» было обусловлено ее «стратегическими интересами на Балканах», ее «историческими связями с Сербией и другими югославскими государствами». Это предопределило поддержку сербов и склонность Москвы урегулировать конфликт «методами дипломатии и невоенными средствами». По мнению Чэня, Россия не могла остаться безучастной к боснийскому вопросу, что и предопределило активизацию ее действий после 1993 г. с основной целью «возвращения на международную арену и восстановления статуса великой державы, для чего она воспользовалась вмешательством в боснийский кризис». Совершенный Москвой внешнеполитический поворот, по его мнению, был напрямую скоррелирован с процессом ее «постепенной внутренней стабилизации». Чэнь также отметил важную роль России в мирных переговорах в Боснии: содействие разработке «плана совместных действий» (май 1994 г.) и «плана контактной группы» (июль 1994 г.), что подтвердило ее «особую роль и статус великой державы». Чэнь обратил внимание на то, что Запад, хотя и принимал во внимание влияние России, отказался предоставить ей ведущую роль в урегулировании конфликта. К такому выводу автор пришел в результате анализа таких ключевых событий 1994 г., как инициирование США создания мусульманско-хорватской федерации (март 1994 г.), авиаудары НАТО по позициям боснийских сербов (апрель 1994 г.) и отказ Вашингтона соблюдать эмбарго на поставки вооружений боснийским мусульманам (ноябрь 1994 г.). Все это, как считал Чэнь, существенно ослабило российские позиции в регионе. Основным желанием российской политики в Боснии, считал автор, оказалось стремление выступать «не оппонентом, но равноправным партнером Запада в урегулировании конфликта». Однако в условиях жесткой бескомпромиссной политики США российское влияние оказалось ограниченным³.

2 国际形势年鉴1996 / 上海国际问题研究所. 上海: 上海教育出版社, 1996. [Ежегодник Международное положение 1996 / Шанхайский институт международных проблем. Шанхай, 1996.] С. 102.

3 陈传金. 冷战后地区冲突国际化的典型——试析波黑问题与大国外交的关系 // 国际展望. [Чэнь Чжуаньцзинь. Типичный пример интернационализации региональных конфликтов после окончания холодной войны – пробный анализ

Первой попыткой конкретно-исторического изучения в Китае итогов кризиса в Боснии стала статья «Анализ гражданской войны в Боснии» в журнале «Мировая история» эксперта-балканиста Ма Сипу. Россия, считал он, «использовала этот конфликт для возвращения на Балканы с целью восстановления влияния и роли, которыми в этом регионе обладал СССР». По утверждению Ма, «для Москвы, утратившей прежнее значение на Ближнем Востоке, потеря влияния на Балканах означала бы потерю всего региона Центральной и Восточной Европы». Он также считал, что действия России в Боснии имели значение и для ее внутренней политики⁴.

Взаимодействие центров силы (США, ЕС и России) в кризисных очагах (был использован термин «горячие точки») планеты на примере Боснии рассматривалось в двух статьях (1996 и 1997 гг.) сотрудника Института мировой экономики и политики Академии общественных наук (АОН) Китая Чжу Синьцяо. Незначительную активность Москвы в самом начале событий в Боснии эксперт объяснила сложным состоянием российской экономики и общим хаосом. Распад СССР и роспуск Организации Варшавского договора, внутривластная нестабильность и ухудшение экономической ситуации, по ее мнению, «на некоторое время погрузили страну в состояние оцепенения в ее внешнеполитической ориентации» после завершения холодной войны. По мнению Чжу, «снижение совокупной национальной мощи России привело к слабости и пассивности ее дипломатии при решении кризисов, что вызвало сильное недовольство в стране и рост национализма (В. В. Жириновский), критику в парламенте внешней политики Кремля и появление требований отставки главы МИД А. В. Козырева. Эта критика, по мнению эксперта, побудила Б. Н. Ельцина вносить коррективы во внешнеполитический курс, усилить дипломатическое наступление в вопросах бывшей Югославии. Чжу считала, что «балканский регион всегда был важным полем битвы России с европейскими державами и США за сферы влияния». Россия «поддерживала территориальные претензии Сербии, чтобы противостоять проникновению и экспансии евроамериканских сил на восток». Чжу Синьцяо считала, что просербская позиция России проявилась в призывах к смягчению и отмене международных санкций против СРЮ; в резкой реакции на воздушные удары

взаимосвязи между проблемой Боснии и Герцеговины и дипломатией великих держав // *Международное обозрение.* 1996. № 6. С. 14.

4 马细谱. 波黑内战透析 // *世界历史.* [Ма Сипу. Анализ гражданской войны в Боснии // *Мировая история.*] 1996. № 3. С. 114–115.

НАТО по сербским позициям в БиГ, в активном участии в разработке мирного плана в рамках Контактной группы; в введении напряженных переговоров совместно с представителями США, ЕС и других стран по вопросу контролируемых сербами районов в Хорватии при стремлении защитить интересы сербского населения в обоих случаях. К этим фактам, приводившимся ранее экспертами в статьях первой половины 1990-х гг., Чжу Синцяо добавила новые: напомнила о личной инициативе президента Ельцина, пригласившего в Москву С. Милошевича и Ф. Туджмана, в то время как госсекретарь США Р. Холбрук готовил почву для переговоров в Дейтоне. Эксперт назвала это желанием Ельцина «взять ведущую роль в разрешении кризиса на постъюгославском пространстве». При этом эксперт считала, что Сербия «использовала Россию для смягчения оказываемого на нее сильного международного давления»⁵. Анализируя ситуацию в Боснии летом 1995 г., в частности военные действия НАТО против позиций боснийских сербов, эксперт пришла к выводу, что Россия ограничилась лишь политическими заявлениями и тем самым фактически проявила «молчаливое согласие». Впрочем, Чжу не считала итог дейтонских переговоров результатом усилий исключительно США, тактично указав, что «Россия и ЕС сыграли свои партии, оказав влияние, соизмеримое с их возможностями в соответствующих сферах»⁶. При описании событий после Дейтона⁷ эксперт указала, что Россия вступила в жесткое противостояние с США в связи с командованием многонациональными силами по поддержанию мира в БиГ. По ее мнению, хотя «большинство этих действий были безуспешны, они показали миру решимость Москвы к борьбе, подтвердив, что на мировой арене она остается важной силой, которой нельзя пренебрегать». Автор считала, что действия российской дипломатии побудили страны Запада скорректировать их политику в отношении Москвы: «интересы и достоинство России как великой державы были ими признаны»⁸.

5 朱行巧. 从世界热点——前南危机及波黑战争看大国关系 // 世界经济与政治. [Чжу Синцяо. Взгляд на отношения великих держав из горячих точек мира – кризиса на постсоветском пространстве и войны в Боснии и Герцеговине // Мировая экономика и политика.] 1996. № 10. С. 26.

6 Там же. С. 27.

7 Дейтонские соглашения – общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине, подписанное 14 декабря 1995 г. в Париже по итогам переговоров, проходивших в г. Дейтон (штат Огайо, США) в ноябре 1995 г. Соглашение положило конец войне в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг.

8 朱行巧. 从世界热点... [Чжу Синцяо. Взгляд на отношения...] С. 26.

Особенностью китайской научной мысли второй половины 1990-х гг. стало появление работ с оценкой событий в России в первой половине десятилетия. Как и в первой половине 1990-х гг., в них особое внимание уделялось характеристике международного статуса России, а также анализу ее политики на Балканах. В 1997 г. в своей монографии «Системные изменения и внешние связи: Россия после 1992 г.» исследователь-международник Фэн Шаолэй⁹ утверждал, что действия России зависят существенным образом от ее «геополитических интересов»¹⁰ и взаимодействия с ближним зарубежьем. Фэн считал, что «диапазон стратегических колебаний России во внешней политике предопределил ее положение в трансформирующейся системе международных отношений, представляя собой не фиксированную точку, а некоторый диапазон в пространстве»¹¹. С учетом этого роль России в боснийском кризисе ученый оценил как «сложную и многогранную», считая, что Москва занимала «деликатное» место в боснийском конфликте, поддерживала давние исторические связи с Сербией и боснийскими сербами, «имея с ними не только общий язык и письменность, но и, с середины XIX века, действительно выступая защитницей славянских народов от угнетения европейских держав»¹². Фэн Шаолэй придавал исключительное значение усилиям российской дипломатии в феврале 1994 г., когда «благодаря ее активному посредничеству лидеры боснийских сербов приняли предложение о размещении в Сараеве российских миротворческих сил и о выводе тяжелого вооружения». По его мнению, они нарушили «западный план силового решения боснийского вопроса и укрепили позиции России при решении последующих балканских проблем». Фэн назвал посреднические усилия России ее дипломатическим успехом: она «увеличила значимость

9 Декан и профессор Школы международных и региональных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (ВКПУ); директор Центра по изучению России Института гуманитарных и социальных наук ВКПУ; вице-президент Китайской национальной ассоциации международных исследований; вице-президент Китайской национальной ассоциации изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии; вице-президент Шанхайского института международных исследований; вице-президент Шанхайского института европейских исследований; вице-президент Китайской ассоциации новых экономических исследований.

10 冯绍雷. 制度变迁与对外关系: 1992年以来的俄罗斯. 上海: 上海人民出版社, 1997. [Фэн Шаолэй. Системные изменения и внешние связи: Россия после 1992 г. Шанхай, 1997.] С. 1.

11 Там же. С. 8.

12 Там же. С. 510–511.

ультиматума НАТО и одновременно успокоила сербов, позволив всем сторонам сохранить лицо». Он считал, что Москва «в некоторой степени временно остановила продвижение НАТО на восток», что явилось ее «дипломатическим успехом» и «добавило еще один краеугольный камень в ее внешнеполитическую стратегию поворота к жесткой позиции»¹³. Тем не менее автор указал на ограниченность этих успехов, напомнив, что «роль России в боснийском конфликте не следует чрезмерно преувеличивать, а тем более распространять на остальные регионы в мире»: несмотря на тесные отношения боснийских сербов с Москвой и ее настойчивость, сербы все же отказались принять мирный план в июле 1994 г. Соответствующим был и общий вывод Фэн Шаолэя: Россия «активно стремилась восстановить свое традиционное влияние на Балканах», но, с другой стороны, ее ограниченное сотрудничество с Западом по боснийскому вопросу и по поводу бомбардировки НАТО сербов в августе 1995 г. продемонстрировали бессилие и беспомощность России и подчиненность «партнеру». Эта «слабость», по мнению Фэна, привела к недовольству внутри страны и отставке министра иностранных дел Козырева. Рассуждения об усилиях России в боснийском кризисе ученый завершил общим выводом о том, что они отразили изменения в соотношении сил между Вашингтоном и Москвой после холодной войны, когда «США за счет активного вмешательства и даже применения силы укрепили завоеванные в холодной войне позиции лидера»¹⁴.

Среди других работ обобщающего характера китайских авторов была коллективная монография «Новая Россия: политика, экономика, дипломатия», подготовленная под редакцией опытных историков Сюэ Цзюньду¹⁵ и Лу Наньцюаня¹⁶. Политика России на постъюгославском пространстве в этой работе рассматривалась с учетом изменений

13 Там же. С. 511

14 Там же. С. 512–513.

15 薛君度(Сюэ Цзюньду) (1922–2016), историк, председатель правления Фонда Хуан Сина в США. Ранее занимал должности профессора в Университете Мэриленда, Оксфордском университете, Гарвардском университете, Университете штата Нью-Йорк и Западном Берлине (Германия).

16 陆南泉(Лу Наньцюань) (род. 1933), профессор и главный научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии. В 1960 г. окончил Московский финансово-экономический институт, доктор экономических наук. Занимал должность приглашенного профессора в Центре славянских исследований Университета Хоккайдо и Японском институте международных проблем (1986–1987, 1993–1994).

внешнеполитической стратегии России и ее отношений с США. Автор соответствующей главы (сотрудник Института СССР и Восточной Европы Ни Сяоцюань) считал, что в начале 1990-х гг. Россия, стремясь получить поддержку Запада, «во многих конкретных вопросах внутренней и внешней политики безоговорочно следовала за США», включая участие в санкциях против Югославии, что «нанесло России значительный политический и экономический ущерб»¹⁷. Ни считал, что первая корректировка действий России была начата уже осенью 1992 г. и длилась до конца 1993 г., затронув как отношения с США, так и действия на Балканах. Эксперт был уверен, что события в регионе затрагивали «важные российские геополитические и экономические интересы» и Москва постепенно отошла от единой с США и другими государствами Запада антисербской позиции», стала проводить политику «противодействия применению силы и жестких экономических санкций против Сербии». Тем не менее он констатировал «ограниченность» этой корректировки, так как в большинстве ключевых международных вопросов российско-американские противоречия сохранялись в рамках «общей согласованной позиции» по поддержке давления на боснийских сербов и установлению бесполетной зоны в Боснии¹⁸. В дальнейшем (1994–1995 гг.), по мнению Ни, Россия стремилась к формированию «зрелого стратегического партнерства» с Западом, но на практике эта ее теоретическая концепция столкнулась с вызовами в ходе боснийского кризиса в такие моменты, как выдвижение НАТО ультиматума боснийским сербам и проведение бомбардировки сербских позиций около Горажде. Эксперт отметил, что «военные действия под руководством США вызвали единодушное резкое осуждение со стороны и официальных лиц, и всех политических сил в России». Автор назвал это «первым противостоянием России с США и их западными союзниками по крупному международному вопросу», полагая, что суть проявившихся противоречий заключалась в стремлении России «восстановить статус великой державы и защитить национальные интересы», добиваясь роли «равноправного партнера США в европейских и мировых делах», тогда как Вашингтон был нацелен на «закрепление и расширение

17 新俄罗斯: 政治、经济、外交 / 薛君度、陆南泉主编. 北京: 中国社会科学院出版社, 1997. [Ни Сяоцюань. Политика России в отношении США // Новая Россия: политика, экономика, дипломатия / под ред. Сюэ Цзюньду, Лу Наньцюаня. Пекин, 1997.] С. 344.

18 Там же. С. 346–347.

результатов холодной войны», не допуская «возрождения России как сверхдержавы, угрожающей их безопасности»¹⁹.

Сходных взглядов придерживались авторы коллективного труда «Россия и современный мир» (1998), подготовленного сотрудниками этого же института под совместной редакцией Ли Цзинцзе²⁰ и Чжэн Юй. В предисловии, написанном Ли, было подчеркнуто, что на начальном этапе становления независимости Россия находилась в «особом историческом переходном периоде» и ее внешняя политика «напрямую зависела от потребностей внутреннего развития и результатов борьбы между различными политическими силами в стране»²¹. Этот тезис был развернут в 11-й главе «Россия и Восточная Европа» данного сборника, автор которой (директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, Цзян И) считал, что среди стран Восточной Европы бывшая Югославия, являясь для России «в начале ее независимости наиболее активной дипломатической ареной», предоставила Москве значительные возможности для «реализации уникальной роли»²². Усилия в решении югославского вопроса, как считал эксперт, не только отражали «динамику изменений во внешней политике России после обретения независимости», но и продемонстрировали реальность «изменений в балансе соотношения сил в ее внутренней политике». Цзян И полагал, что на начальном этапе (в 1992 г.) Россия следовала внешнеполитическому курсу «сближения с Западом» и отказалась от традиционного советского «противодействия внешнему вмешательству во внутренние дела Югославии и поддержки ее территориальной целостности», признав независимость Словении, Хорватии и Боснии, и поддержала 30 мая введение СБ ООН санкций против СРЮ, мотивировав это «ответственностью великой державы за поддержание международного правопорядка», что, однако, спровоцировало жесткие обвинения парламента в адрес правительства «в потворстве Западу, утрате традиционных друзей». Автор также акцентировал внимание на прозвучавшее тогда предупреждение с левого политического фланга, что «отношение Запада к СРЮ [сегодня. – Я. Л.] будет политикой в отношении России завтра». Особое внимание автор уделил победе

19 Там же. С. 350.

20 Ли Цзинцзе (род. 1941), работал в Отделе международных связей ЦК КПК (1965–1981), до 1999 г. сотрудник Института СССР и Восточной Европы, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии (ИРВЕиЦА) (1999–2004).

21 *Россия и современный мир* / под ред. Ли Цзинцзе, Чжэн Юя. Пекин, 1998. [Россия и современный мир / 李静杰、郑羽主编. 北京: 世界知识出版社, 1998.] С. 2.

22 Там же. С. 362.

Милошевича на выборах 1992 г., потребовавшей от России «изменить отношение к правительству Социалистической партии и подходить к Югославии без излишних фантазий». В результате системного анализа заявлений российской дипломатии и действий Москвы автор выявил «двойную траекторию» стратегии России: «сохраняя согласие с международным сообществом, продолжая оказывать давление на сербов, избегая конфронтации с Западом и мусульманским миром и не потворствуя слепо интересам сербов»²³. К этим шагам автор отнес поддержку РФ резолюции 816 СБ ООН о бесполетной зоне (март 1993 г.); предложение порядка действий для принуждения сторон к выполнению плана Вэнса – Оуэна (май 1993 г.), а также неоднократные предупреждения руководителя МИД РФ. Тогда как в 1994 г. Россия начала «обращать внимание и защищать свои интересы и традиционное влияние», демонстрируя «роль великой державы» при решении спорных вопросов бывшей Югославии (в феврале – выступление против снятия эмбарго на поставки оружия мусульманам, в апреле – негативная реакция на авиаудары НАТО по Горажде и пауза с подписанием программы «Партнерство ради мира»; в августе (после принятия СРЮ мирного плана) – требование немедленного ослабления санкций в отношении Белграда; в декабре – вето на резолюцию об усилении эмбарго против сербов в Хорватии). Эта линия была продолжена в 1995 г. (возобновление военного сотрудничества с СРЮ, предоставление Белграду гуманитарной помощи и осуждение авиаударов НАТО в Боснии (август) и использования Боснии в качестве «испытательного полигона в стремлении к мировому господству»²⁴ и т. д.).

Драматические события на Балканах в 1999 г. (резкое обострение положения в Косове и бомбардировки НАТО СРЮ) привели к росту внимания в Китае к Балканам. Экспертное сообщество КНР было готово дать ответ на возникавшие вопросы и удовлетворить общественный интерес.

В апреле 1999 г. была опубликована коллективная монография «Перемены в Югославии», подготовленная под руководством Чжао Найбиня, эксперта-балканиста Института Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая, основной смысл которой заключался в подведении итогов событий и процессов, происходивших после развала СФРЮ в 1990-е гг. Авторский коллектив начал экспертную работу еще в начале десятилетия, прервав ее в 1993 г., так и не опубликовав тогда

23 Там же. С. 363.

24 Там же. С. 364–365.

итогах проведенных исследований. Ситуация весны 1999 г. помогла выходу книги в апреле 1999 г. после внесения необходимых дополнений. Действия России на постъюгославском пространстве не были в фокусе изложения, и авторы дали оценку только ее некоторым шагам во время Боснийской войны («кризис ультиматума», 1994), отметив, что Россия была «приходящей в упадок великой державой» с богатым опытом борьбы и стратегического планирования. Она одержала «значительную дипломатическую победу» в борьбе за свое положение в мире «без единого выстрела, без угроз кому-либо, без риска для жизни военнослужащих, не потратив ни одного рубля» и заставила Запад считаться с ней при решении международных проблем. Эта победа, сделали вывод члены рабочей группы, ослабила недовольство народа Ельциным, отразила политическое давление со стороны крайних националистов и изменила имидж подчиненности Западу президента России, укрепив положение Ельцина²⁵.

В том же году вклад в изучение политики России на постъюгославском пространстве внес Хао Шиюань, директор Института этнологии АОН Китая и к тому времени уже авторитетный исследователь этнических конфликтов в распавшейся Югославии. В ноябре 1999 г. была опубликована его книга «Имперская гегемония и балканский пороховой погреб», ставшая первым в Китае комплексным исследованием изменений на постъюгославском пространстве, включая войну в Боснии (10-я глава). Влиятельный этнолог не только рассмотрел в ней «события и процессы в широком контексте империалистического соперничества в балканском регионе», но и проанализировал (с точки зрения мировой политологии, этнологии и истории) борьбу империй за Балканы, факторы внешнего вмешательства, ход распада Югославии, а также политику и действия России во время боснийской войны и косовского кризиса. Хао отверг «теорию столкновения цивилизаций» Хантингтона применительно к БиГ. По его мнению, войны между тремя сторонами оказались замаскированным «политическим конфликтом», став «столкновением балканской политики великих держав»²⁶. Поддержка Западом Словении и Хорватии, по его замечанию, была направлена на достижение «полного превосходства капиталистической

25 南斯拉夫的变迁 / 赵乃斌主编. 北京: 中国社会科学院东欧中亚研究所. 1999. [Перемены в Югославии / ред. Чжао Найбинь. Пекин, 1999.] С. 226–227.

26 郝时远. 帝国霸权与巴尔干“火药桶”——从南斯拉夫的历史解读科索沃的现实. 北京: 社会科学文献出版社, 1999. [Хао Шиюань. Имперская гегемония и балканский пороховой погреб: интерпретация реальности Косово на основе истории Югославии. Пекин, 1999.] С. 319.

идеологии над социалистической на Балканском полуострове»²⁷. Позицию Москвы Хао описал при помощи формулировки Г. Киссинджера: «в России национализм на протяжении долгой истории всегда был неотделим от религиозного чувства миссии и имперского оттенка»²⁸. Тем не менее, по мнению Хао, «давние стратегические потребности России на Балканском полуострове превзошли тщеславие “спасителя” как центра православия», потому что «соседние страны стремятся извлечь выгоду из ослабления имперского центра, тогда как сама империя, находящаяся в упадке, пытается восстановить свое могущество среди окружающих государств»²⁹. Хао считал, что поддержка Югославии Россией была обусловлена преимущественно геополитическими и стратегическими соображениями, а не идеологическими причинами. Россия желала, чтобы Югославия, как «единственное не прозападное государство в Восточной Европе, сохранила свою жизнеспособность и была союзницей России в противодействии расширению НАТО на восток»³⁰.

В ноябре 1999 г. свет увидела книга Ма Сипу «Балканские конфликты» – еще одна монография обобщающего характера, в которой автор уделил внимание выявлению причин культурных и религиозных корней конфликтов в регионе, а также рассмотрел действия внешних сил в борьбе за влияние на Балканах. Опытный эксперт дал объяснения стратегических интересов и действий в регионе держав, находящихся вне Балкан, используя категории геополитики. В 9-й главе («Противостояние великих держав на Балканах») Ма назвал «расширение сферы влияния и борьбу за гегемонию единственной целью великих держав на Балканах»³¹. В рамках этой парадигмы автор подверг анализу традиционные интересы Москвы в регионе, подытожив: «Россия всегда рассматривает Балканы как ключевой регион для своей национальной безопасности», а целью ее политики в нем издавна является «обретение выхода к Черному и Средиземному морям»³². В начале 1990-х гг. Россия из-за сложной внутренней ситуации «фактически была вытеснена западными державами с Балкан» и только с 1994 г. получила право голоса по боснийскому вопросу. Основными инструментами действий Москвы в решении югославского кризиса

27 Там же. С. 320.

28 Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 744.

29 Там же. С. 755, 742.

30 郝时远. 帝国霸权... [Хао Шиюань. Имперская гегемония...] С. 321.

31 马细谱. 巴尔干纷争. 北京: 北京大学出版社, 1999. [Ма Сипу. Балканские конфликты. Пекин, 1999.] С. 261.

32 Там же. С. 263–264.

исследователь назвал «использование ООН и ее Совета Безопасности». При этом Москва выступала за «мирное разрешение югославского кризиса, установление стратегического партнерства с США, сдерживание расширения НАТО в балканский регион и стремилась сохранить свое влияние в Сербии». Ма отметил, что возвращение России на Балканы «способствует как укреплению ее статуса великой державы, так и поддержанию баланса влияния внешних сил на Балканах и установлению стабильности в регионе»³³.

Этап оценок 2000–2015 гг.

Начало 2000-х гг. для китайского экспертного сообщества в области истории международных отношений стало временем продолжения публичного всестороннего осмысления событий в России и ее внешней политики прошлого десятилетия. Завершение периода правления Ельцина позволило китайским ученым начать основательный, всесторонний и порой нелицеприятный разбор событий прошедшего десятилетия и результатов правления первого президента России. Существенной темой изучения стали и действия России на заключительных этапах распада СФРЮ и в первой половине «горячей фазы» югославского кризиса 1990-х гг.

Основную роль в изучении России в Китае продолжал играть Институт Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая, переименованный в 2002 г.³⁴ в ИРЕиЦА. Были подведены итоги событий, и периодически публиковались весомые монографии, в которых определенное место отводилось сюжетам 1990-х гг.

В 2000 г. по инициативе руководства АОН Китая была создана исследовательская группа «по югославскому вопросу», полем специализации которой стало изучение президентских выборов в СРЮ, завершившихся сменой режима С. Милошевича. На основе собранных группой материалов был подготовлен и ряд открытых публикаций, в том числе статья Сюй Чжисина «Югославия во внешнеполитической стратегии России: история и современность» (2001). Политолог обобщил стратегические факторы и особенности поведения России, считая, что ее политика в отношении Югославии в 1990-е гг. определялась четырьмя факторами: «1) противодействие расширению НАТО на Восточную Европу и обеспечение статуса России как великой державы в Европе; 2) противодействие вмешательству

33 Там же. С. 266.

34 С 1999 г. по 2004 г. его директором являлся Ли Цзинцзе.

НАТО в суверенитет многонациональных государств под предлогом принципа “права человека выше суверенитета”; 3) ослабление государственной мощи России, ограничивавшее потенциал ее внешнеполитической деятельности; 4) приоритет отношений с Западом над отношениями с Югославией». По мнению Сюй, противоречивость этих факторов определяла особенности поведения Москвы на югославском направлении ее внешней политики: «поддержка Россией Югославии в основном сводилась к оказанию ее в политической и моральной сферах. При обострении противостояния с Западом Россия шла ему на уступки, суть которых заключалась в жертвовании интересами “третьей Югославии”»³⁵.

Как и многие авторы до него, Сюй Чжисинь разделял действия России на четыре этапа, уточнив их границы и основное содержание каждого. Так, первый этап, когда Россия следовала в фарватере Запада, основываясь на своем видении соотношения сил на международной арене и субъективной оценке собственных отношений с Западом, длился большую часть 1992 г. Началом второго этапа эксперт назвал осень 1992 г., когда в связи с вмешательством НАТО в югославский кризис и критикой одностороннего подхода альянса к участникам конфликта Россия начала корректировать свои действия и отходить от единой с западными державами позиции противостояния Сербии по югославскому вопросу. Типичным примером действий России в это время автор назвал публичное заявление Ельцина 25 января 1993 г. Третий этап, по мнению Сюй, начался в феврале 1994 г., когда НАТО без уведомления России выдвинула ультиматум боснийским сербам, что ознаменовало «завершение медового месяца» в ее отношениях с Западом. Шаги Москвы в этот период Сюй Чжисинь назвал «первым случаем прямого противостояния России и Запада по вопросу международных конфликтных ситуаций после обретения Россией независимости». России удалось заблокировать проект резолюции ОБСЕ, квалифицирующей сербов как «агрессоров». Четвертый этап, по мнению Сюй, пришелся на вторую половину 1995 г., когда в расчете на политическую поддержку Запада в переизбрании Ельцина в 1996 г. Москва «продемонстрировала значительное смягчение своей позиции по югославскому вопросу». Автор обратил внимание и на сдержанную реакцию официальной Москвы в связи с бомбардировками НАТО в августе 1995 г.

35 许志新. 俄罗斯对南斯拉夫政策:历史与现实 // 东欧中亚研究. [Сюй Чжисинь. Югославия во внешнеполитической стратегии России: история и современность // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии.] 2001. № 5. С. 18.

(она ограничилась критикой «выхода за рамки мандата ООН», а потом без раздумий признала Дейтонские соглашения, присоединившись к их реализации)³⁶. Параллельно эксперт объяснил мотивы российской власти двойственной логикой: стремлением восстановить символический престиж через демонстрацию «победы» на фоне общего стратегического поражения, и вместе с тем — желанием утвердить свое геополитическое присутствие для последующего торга с Западом на более выгодных условиях³⁷. Сотрудник Института Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая Сюй Чжисинь стал самым востребованным экспертом по политике России в это время, опубликовав еще несколько научных текстов. В 2003 г. в двухтомной монографии «Россия за десять лет: политика, экономика, дипломатия», подготовленной в Институте РВЕиЦА, Сюй Чжисинь (во второй главе II тома) коренной проблемой «прозападной дипломатии» Козырева назвал «неверную оценку национальных интересов России». Автор констатировал, что стремление министра к партнерству с Западом с перерастанием в союзные отношения за счет односторонних уступок нанесло ущерб российским интересам и усугубило внутренний политический раскол³⁸. Автор, придерживаясь выработанной им ранее концепции четырех этапов политики России в югославском кризисе, отметил, что она была противоречивой, с значительными уступками Западу, отражая специфику большой геополитической игры, в которой малые страны служили объектом манипуляций крупных игроков³⁹. Во многом он повторил основные положения своей статьи 2001 г. Сюй добавил к ним тезис: «Россия является мировой державой и, более того, европейской великой державой»⁴⁰. Позже (в 2004 г.) с небольшими изменениями этот текст был использован в 12-й главе («Югославия во внешнеполитической стратегии России») книги «Сильный человек в слабой позиции — падение и арест Милошевича», опубликованной по итогам исследований рабочей группы. Автор был убежден, что начиная с середины 1990-х гг. «позиция России по поддержке Югославии в основном оставалась неизменной»⁴¹.

36 Там же. С. 19.

37 Там же. С. 21.

38 *Россия за десять лет: политика, экономика, дипломатия*. Т. 1–2 / ред. Пан Дели, Сюй Чжисинь. Пекин, 2003.] С. 670, 679.

39 Там же. С. 712–721.

40 Там же. С. 717.

41 *Сильный человек в слабой позиции — падение и арест Милошевича* / ред. Пан Дели, Сюй Чжисинь. Пекин, 2004.] С. 117–118.

Чжао Найбинь и Ван Лиминь, несмотря на широкую распространённость их взглядов, не были монополистами по этой теме. В 2002 г. вышло повторное (дополненное) издание коллективного труда «Перемены в Югославии», в котором были усилены комплиментарные оценки действий России («выполняла обязанности члена Контактной группы, активно и творчески участвовала в процессе решения боснийской проблемы, [...] смело противостояла позиции Запада и такой политикой постепенно оттенила собственную роль в решении крупных международных проблем, изменила свой имидж, повысила свой международный статус и защитила свои интересы на Балканах») ⁴². Объяснение действий России в начале 1990-х гг. было у авторов традиционным: «иллюзии относительно Запада во главе с США, под влиянием которых она охотно выступала в качестве партнера Запада на Балканах и не стремилась к поиску собственных интересов» ⁴³.

В начале первого десятилетия 2000-х гг. в Китае было продолжено осмысление произошедших в России серьезных трансформационных процессов, затронувших и сферу российской внешней политики, существенной частью которых оказались действия Кремля на постъюгославском пространстве в первой половине 1990-х гг. Они подверглись пристальному и, порой, нелицеприятному рассмотрению экспертами по России.

В появившейся в эти годы литературе прежние сюжеты, касающиеся действий России на Балканах, не только повторялись, но получили более детальное освещение, чем ранее. Новые тезисы появились сразу в двух книгах. Одной из них стал трехтомник «Россия в эпоху Ельцина», подготовленный в Институте РВЕиЦА АОН Китая. Третий том «Дипломатия» (2001) вышел под редакцией Сюэ Гана и Цзян И. При описании «взаимодействия и соперничества» России и США в горячих точках планеты кратко были затронуты противоречия между ними во время войны в Боснии. Сюэ Ган (автор первой главы этой книги) полагал, что «российское руководство полностью приняло западные нормы поведения и правила игры в решении международных вопросов, сохраняя согласованность с Западом, чтобы получить политическое

России // Сильный человек в слабой позиции – падение и арест Милошевича / ред. Син Гуанчэн. Пекин, 2004.] С. 269.

42 南斯拉夫的变迁 / 赵乃斌、汪丽敏主编. 广州: 广东人民出版社, 2002. [Перемены в Югославии / ред. Чжао Найбинь, Ван Лиминь. Гуанчжон, 2002.] С. 388.

43 Там же. С. 388.

доверие и экономическую помощь от западных стран»⁴⁴. Со ссылкой на общественное мнение того времени Сюз Ган указывал, что участие России в санкциях против Ирака, Ливии и Югославии не только нанесло ущерб «имиджу России в странах третьего мира, привело к потере традиционных союзников и многих традиционных позиций и приобретенных ранее интересов», но и привело к значительным экономическим потерям для России⁴⁵. По оценке Цзян И, автора 9-й главы («Культура и механизмы принятия решений дипломатии России»), «политика атлантизма не только не позволила России войти в клуб западных держав, но и не позволила преодолеть глубоко укоренившиеся западные опасения в отношении России, а ее результатом стала утрата Россией статуса независимой великой державы». Такая политика, считал Цзян И, способствовала тому, что «подталкивало националистические силы к восприятию внешнего мира с недоверием и отстраненностью»⁴⁶. По мнению автора 11-й главы Ван Сяоюаня, в отношении войны в Боснии Россия в начале обретения своей независимости заняла позицию «стороннего наблюдателя»⁴⁷ (дословно: «стоять в стороне со скрещенными руками»). Поворотным в российской политике на Балканах стал 1993 год, когда Россия начала «отходить от единой с западными державами позиции противодействия Сербии»⁴⁸, приступив к «использованию противоречия между западными странами для предотвращения военных действий США против сербов». Россия неоднократно направляла высокопоставленных должностных лиц для посредничества, стремясь «оказать влияние на налаживание мирного процесса в БиГ»⁴⁹. При этом автор обратил внимание на влияние общественного мнения и заявлений депутатов Госдумы на такие действия МИД. Дипломатические усилия России в Боснии в 1994–1995 гг. были рассмотрены в этом труде в разделе «Стремление к статусу равноправной великой державы». Авторы полагали, что успешное разрешение Россией «кризиса ультиматума» стало «успешной дипломатической акцией, показавшей роль великой державы»⁵⁰.

44 叶利钦时代的俄罗斯（外交卷）/ 学刚、姜毅主编. 北京：人民出版社，2001. [Россия в эпоху Ельцина. Т. 3. Дипломатия / ред. Сюз Ган, Цзян И. Пекин, 2001.] С. 12.

45 Там же. С. 16.

46 Там же. С. 263.

47 Там же. С. 310.

48 Там же. С. 25.

49 Там же. С. 310.

50 Там же. С. 38.

Ярким явлением китайской историографии этого периода стало появление «Очерков истории российской дипломатии» (2002) опытного эксперта, сотрудника Дипломатической академии Китая Линь Цзюня⁵¹, перу которого принадлежит большая часть текстов. Для написания двух разделов главы «Внешняя политика Б. Н. Ельцина» был привлечен эксперт Китайской академии современных международных отношений Фэн Юйцзюнь. В третьем разделе главы (его писал Линь Цзюнь) были рассмотрены геополитические доктрины, воздействовавшие на формирование внешней политики России (атлантизм, неоевразийство и радикальный национализм). Общей тенденцией во внешней политике России эксперт назвал «переход от иллюзий к реальности, от акцента на идеологии к акценту на национальных интересах»⁵². Внешнюю политику России в начале 1990-х гг. он называл «однобокой дипломатией», основанной на «субъективном восприятии соотношения сил на международной арене в те годы и отношений с Западом», когда российская дипломатия, придерживаясь «концепции атлантизма», полностью сдвинулась в сторону Запада, «отказываясь от собственных интересов в ключевых международных вопросах, безоговорочно потакая Западу». Относительно конфликтов в бывшей Югославии Россия, по мысли Фэна, «отказалась от своих традиционных позиций в данном регионе». Вместе с тем он не считал позицию Москвы монолитной и привел ряд примеров несогласия российского экспертного сообщества с проводившимся в то время МИД РФ во главе с Козыревым курсом (письмо сотрудников Института славяноведения и балканистики РАН с осуждением участия России в международных санкциях против Сербии, которое «не соответствует долгосрочным интересам России»). Другими примерами несогласия автор назвал выступления в СМИ, с приведением из них пространных цитат, академика П. В. Волобуева, политолога А. М. Миграняна. Автор отметил, что слепое следование России западному курсу в международных вопросах (включая поддержку санкций против Югославии) привело к «постепенному сокращению влияния России на мировые процессы: политические, экономические и в сфере безопасности», а также нанесло значительный

51 В 1990-е гг. профессор Линь Цзюнь в рамках исследовательских грантов правительства КНР занимался исследованиями в Москве и Киеве. Позже – служил первым секретарем посольства КНР в Минске.

52 林军. 俄罗斯外交史稿. 北京: 世界知识出版社, 2002. [Линь Цзюнь. Очерки истории российской дипломатии. Пекин, 2002.] С. 474.

экономический ущерб⁵³. Политика России в Боснии была названа историческим воплощением и практическим подтверждением эволюции ее внешнеполитической стратегии.

Еще одним весомым исследованием, результаты которого были опубликованы, стала книга «Россия и европейская безопасность» (2001), написанная сотрудником ИРВЕиЦА Лу Цихуа. Ее автор выразила уверенность в том, что Россия по-прежнему остается «великой державой Европы и мира», оказывая «чрезвычайно важное влияние» на будущее развитие архитектуры европейской безопасности⁵⁴. Она считала, что «развитие ситуации на Балканах, особенно эволюция ситуации в бывшей Югославии, сыграло важную роль в процессе переосмысления Россией своих национальных интересов и внешнеполитического курса»⁵⁵. В то же время автор отметила, что ориентация политики России на Балканах будет особенно влиять на отношения между Россией и Западом. Особое внимание автором было уделено роли министра Козырева. По ее мнению, на первых порах он «пытался изменить традиционную роль России как защитницы славянских народов на Балканах», однако под давлением внутривластных обстоятельств (включая критику со стороны таких политиков, как Е. А. Амбарцумов, О. Г. Румянцев и В. В. Жириновский) министр был вынужден скорректировать прозападную позицию и начал активно отстаивать интересы сербов, так как «нападки на югославскую политику, проводимую Козыревым, были частью острой борьбы между МИД и Верховным Советом в сфере внешней политики». По мнению автора, «националистическая риторика Козырева стала признаком смещения центра политических сил России в сторону национализма», а «корректировка российской политики в отношении Югославии отражала изменения во внешней политике в целом». Тем не менее эксперт полагала, что целью Козырева всегда был поиск «среднего пути» в напряженной международной обстановке, «избегая прямой конфронтации с Западом по боснийскому вопросу»⁵⁶. При этом основными целями российской политики в отношении конфликтов на территории бывшей Югославии были: 1) предотвращение дипломатической изоляции России и недопущение открытого разрыва с Западом; 2) ослабление

53 Там же. С. 477, 481, 486, 484.

54 陆齐华. 俄罗斯和欧洲安全. 北京: 中央编译出版社, 2001. [Лу Цихуа. Россия и европейская безопасность. Пекин, 2001.] С. 2.

55 Там же. С. 179.

56 Там же. С. 183–186.

давления со стороны националистических и просербских группировок в Государственной Думе; 3) обеспечение значимой роли России в играх на Балканах; 4) противодействие попыткам НАТО принимать решения без учета позиции России; 5) сохранение ООН в качестве ключевой международной платформы для обсуждения и реализации политики в отношении бывшей Югославии; 6) недопущение дальнейшей эскалации и распространения конфликта⁵⁷.

В очередной раз тема политики России в Боснии получила освещение в тексте «Отношения России со странами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы» Чэнь Шипина – главе коллективной монографии «Отношения России с великими державами и соседями» (2005) под редакцией Фэн Шаолэя и опытного политолога Сян Ланьсинь, почетного профессора Университета Фудань. Автор выделил два ключевых фактора, которые, по его мнению, существенно влияли на политику России во время кризиса бывшей Югославии: 1) традиционные исторические и культурные связи России с Сербией; 2) падение государственной мощи России. В развитие и конкретизацию концепции Фэн Шаолэя о маятниковом движении России Чэнь полагал, что именно «взаимодействие этих двух факторов приводило к частым колебаниям и непоследовательности позиции России по вопросу бывшей Югославии, а также проявляло противоречия и вызывало разногласия между населением страны и лицами, принимающими решения по вопросам внешней политики»⁵⁸. На основании этого Чэн выявил основные причины коррекции российской политики в отношении бывшей Югославии, обратив внимание на «стремление России в первые годы после обретения независимости продемонстрировать международному сообществу свое отличие от Советского Союза», поэтому «проамериканская внешнеполитическая ориентация, а также внутренняя нестабильность и ослабление страны привели к тому, что Россия не имела ни возможности, ни намерения оказывать существенное влияние на югославский вопрос»⁵⁹. Чэнь Шипин отметил, что лишь с 1994 г. позиция России по боснийскому вопросу стала более жесткой: просербские настроения в Госдуме во время войны в БиГ привели к тому, что Москва предприняла ряд действий

57 Там же. С. 186.

58 俄罗斯与大国及周边关系 / 冯绍雷、相蓝欣主编. 上海: 上海人民出版社, 2005. [Чэнь Шипин. Отношения России со странами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы // Отношения России с великими державами и соседями / ред. Фэн Шаолэй, Сян Ланьсинь. Шанхай, 2005.] С. 256.

59 Там же. С. 257.

для распространения своего влияния в урегулировании кризиса, но «из-за ослабления государственной мощи» ее фактическое влияние на дела бывшей Югославии оставалось «весьма ограниченным», и в конечном итоге Россия была вынуждена принять мирный план (июль 1994 г.), который серьезно ущемлял интересы боснийских сербов. Это повторилось и в случае авиаударов НАТО в августе 1995 г., когда «Россия не только не возразила, но, напротив, дала понять США о готовности к дальнейшим согласованным действиям»⁶⁰.

И в дальнейшем тема политики России в югославском кризисе продолжала привлекать внимание авторов в Китае. В монографии «После исчезновения железного занавеса: безопасная среда западной части России и стратегия обеспечения ее безопасности» (2005) сотрудник Института РВЕиЦА Лю Фэнхуа указал, что «политике России в отношении Югославии не хватало последовательности», а российские дипломаты действовали по схеме: сначала протест, затем уступки, когда их заявления и действия часто «противоречили друг другу»⁶¹. Описав взаимоотношения России и НАТО, автор пришел к выводу, что «НАТО добилось больших успехов, а Россия – меньших; НАТО занимало доминирующую позицию, в то время как Россия играла лишь вспомогательную роль. НАТО получило от ООН часть миротворческих полномочий, успешно расширив их на Балканский полуостров, за пределы зоны своей внешнеполитической ответственности. Россия же нанесла ущерб отношениям со своим традиционным партнером в регионе – Сербией. По мнению автора, поддержка Россией передачи миротворческих полномочий от ООН к НАТО стала первым шагом к ее невыгодному положению в будущей системе европейской безопасности»⁶².

Тема России в Боснии также была отражена в первом разделе («Война в Боснии и российско-американские отношения») 9-й главы значимой коллективной монографии «Ни союзники, ни враги: российско-американские отношения после распада СССР (1991–2005)» (2005) влиятельного эксперта Института РВЕиЦА Чжэн Юй. В ней указывалось, что, несмотря на сокращение влияния России по сравнению с СССР, в начале 1990-х гг. она «остаётся великой державой

60 Там же. С. 257–258.

61 柳丰华. “铁幕消失之后”俄罗斯西部安全环境与西部安全战略. 北京: 华龄出版社. 2005. [Лю Фэнхуа. После исчезновения железного занавеса: безопасная среда западной части России и стратегия обеспечения ее безопасности. Пекин, 2005.] С. 68–69.

62 Там же. С. 70

с глобальным влиянием и собственными уникальными интересами», и «ее участие в разрешении конфликтов в регионах нарастало по мере восстановления государственной мощи»⁶³. Чжэн считал, что признание Россией независимости БиГ и возложение на Республику Сербскую «основной ответственности» за развязывание конфликта наглядно продемонстрировало «следование правительства Ельцина за политикой Америки по боснийскому вопросу». Автор отметил особенность действий Ельцина, который, реагируя на противодействие оппозиции внутри России, «проводил в отношении сербов БиГ и Республики Сербия политику пристрастного отношения, на основе кровных связей, религии и исторических отношений между его страной и сербами на территории Югославии»⁶⁴. В то же время автор обратил внимание на то, что в 1993 г. подход правительства Ельцина к югославской и боснийской проблеме на деле оказался «сотрудничеством» с западной коалицией под руководством США. Чжэн также напомнил, что накануне всероссийского референдума весной 1993 г. Ельцин в послании к президенту США Б. Клинтону настоятельно призывал его воздержаться от шагов, которые могли бы негативно повлиять на благоприятный для Ельцина результат голосования. Чжэн Юй напомнил, как после завершения референдума, 27 апреля, Ельцин выступил с угрозами в адрес боснийских сербов, требуя прекращения военных действий. Эксперт назвал это стремлением Ельцина «соответствовать западной позиции ради получения политической и экономической поддержки»⁶⁵. Эксперт указал, что Москва заняла жесткую позицию в апреле 1994 г. с целью «умиротворения оппозиции внутри России»⁶⁶, считая важным учитывать в боснийской проблематике «разногласия и противоречия между правительством РФ, Госдумой, МИД и иными ведомствами». По мнению автора, хотя Россия не могла напрямую влиять на развитие ситуации в БиГ, она, начиная со второй половины 1994 г., вела длительную дипломатическую борьбу с США за отмену антиюгославских экономических санкций и предотвращение введения новых ограничительных мер на площадке ООН⁶⁷. Чжэн высказался и о позиции России относительно бомбардировок боснийских сербов

63 郑羽. 既非盟友, 也非敌人: 苏联解体后的俄美关系 (下卷). 北京: 世界知识出版社. 2005. [*Чжэн Юй*. Ни союзники, ни враги: российско-американские отношения после распада СССР. Пекин, 2005. Т. II.] С. 720.

64 Там же. С. 725–726.

65 Там же. С. 729–730.

66 Там же. С. 731.

67 Там же. С. 733.

силами НАТО в сентябре 1995 г., указав, что она не пошла дальше устных возражений, что было обусловлено не «экономическими трудностями», а «ограничениями, наложенными на ее политику сложными внутренними и внешними факторами». Он считал, что России нужно было принимать в расчет и позиции мусульманского населения самой России, а также позицию Украины, поддержавшей Хорватию, и исламских государств. Наиболее важным, по мнению автора, стало то, что в условиях полномасштабного вмешательства НАТО и США в боснийский вопрос затягивание с его решением не приносило пользы ни Республике Сербия, ни боснийским сербам и не соответствовало интересам России⁶⁸. Рассмотрение событий через призму российско-американских отношений помогло автору прийти к выводу, что в начале 1992 г. «в вопросах межэтнического конфликта в БиГ, не имеющей общей границы с Россией, а также отношений с Югославией Россия не имела собственных соображений и следовала в фарватере политики Запада». Он напомнил, что до декабря 1994 г. «защита» Россией интересов Югославии и боснийских сербов обосновывалась преимущественно «традиционными связями кровного родства, исторической и культурной общности», а не «стратегическим видением новой архитектуры безопасности на европейском континенте». В югославском и боснийском вопросах Россия «держалась курса на сотрудничество с США», но после заявления НАТО о намерении реализовать план расширения на Восток она приступила к «переоценке югославского и боснийского вопросов в контексте будущей конфигурации европейской безопасности и механизмов ее функционирования». Российская сторона приступила к постепенной корректировке стратегии, задействуя потенциал «международного общественного мнения» и механизмы ООН для ограничения действий Североатлантического альянса и сохранения формального сотрудничества с США, избегая эскалации боснийской проблемы до уровня «кризиса в российско-американских отношениях»⁶⁹. Расхождения между Россией и США по вопросам европейской безопасности стали отражением «фундаментальных различий в концептуальном видении архитектуры европейской безопасности после завершения холодной войны и дивергенции интересов» двух стран. Несмотря на то, что противоречие сторон в безопасности носило менее острый характер по сравнению с проблематикой расширения НАТО, его наличие «способствовало формированию у Москвы

68 Там же. С. 736.

69 Там же. С. 739–740.

четкого осознания дихотомии национальных интересов России и Запада», что послужило катализатором «переосмысления» стратегии первоначального прозападного внешнеполитического курса и признания «несбалансированности» такого подхода⁷⁰.

Большинство из указанных авторов продолжали считать Россию великой державой. Вместе с тем в китайском экспертном сообществе в этот период такая оценка не была всеобъемлющей: встречались и ее оттенки, и иные мнения. В экспертном опросе, проведенном журналом «Знания о мире» (2007 г.), ряд сотрудников АОН Китая и Партийной школы ЦК КПК (Лу Наньцюань и Ван Лицзю, Цуо Фэнжун) высказали мнение, что, несмотря на утрату статуса сверхдержавы, Россия безусловно остается мировой, но не сильнейшей мировой державой, сохранив свои преимущества лишь в военной сфере, ресурсообеспеченности, науке, технологиях и в тяжелой промышленности⁷¹. Наряду с этим существовало мнение (профессор Китайского народного университета Чэнь Синьмин), что из-за внутривосточных и экономических проблем Россия опустилась до «статуса державы второго порядка» или «большой региональной державы»⁷².

Во второй половине первого десятилетия 2000-х гг. интерес экспертов по России к истории ельцинского периода, а соответственно и к темам российского участия в событиях боснийской войны и югославского кризиса заметно снизился. Вместе с тем китайские югославы продолжали осмысление уроков югославской истории. В 2009 г. появилась монография Ма Сипу «Взлет и падение Югославии», в которой автором четко указано, что активное участие России в разрешении кризисов на территории бывшей Югославии было частью ее дипломатической стратегии по возвращению на международную арену и восстановлению статуса великой державы, а также отражением ее соперничества в регионе с державами Запада⁷³. А в 2010 г. свет увидела обзорная (начиная с первой балканской войны) монография «Столетие бурных событий на Балканах» известного историка Цзинь

70 Там же. С. 741.

71 左凤荣, 陆南泉, 王耐久. 关于叶利钦的60个疑问 // 世界知识. [Цуо Фэнжун, Лу Наньцюань, Ван Лицзю. Шестьдесят вопросов о Ельцине // Знания о мире.] 2007. № 10. С. 49.

72 陈新明. 十八世纪以来俄罗斯对外政策 (下卷). 北京: 中共中央党校出版社. 2012. [Чэнь Синьмин. Внешняя политика России с XVIII века. Пекин, 2012. Т. II.] С. 795.

73 马细谱. 南斯拉夫兴亡. 北京: 社会科学文献出版社. 2009. [Ма Сипу. Взлет и падение Югославии. Пекин, 2009.] С. 398–400.

Чжунъюаня (Фуданьский университет). Автор предложил более позитивную интерпретацию роли России в регионе, акцентируя внимание на ее внутривнутриполитических и экономических факторах как ключевых детерминантах в советский и постсоветский периоды. В отношении событий 1990-х гг. историк считал, что Россия сыграла «определенную роль в процессе мирного урегулирования в БиГ, достигнув своих целей»⁷⁴. В прогностической части работы Цзинь Чжунъюаня утверждается, что Россия «не намерена так просто уступить свои позиции на Балканах и будет продолжать играть значимую роль в регионе»⁷⁵.

Современный этап (2016 – настоящее время)

Сложно объяснить причины, по которым интерес исследователей к действиям России в регионе в первой половине 1990-х гг. вновь активизировался после 2016 г. Тем не менее этот всплеск позволяет выделить этот период в новый, современный этап. Развитие Китая инициатив «Один пояс, один путь» (2013) и «Сотрудничество между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы» (2012) способствовало сохранению интереса и к недавней истории региона, в том числе к действиям и политике России на постъюгославском пространстве. Примером этого стала статья «Геополитические интересы России на Балканах» (2016), подготовленная Чжу Сяочжуном, сотрудником Института РВЕиЦА. Эксперт, вернувшись к теме через 20 лет после событий, рассмотрел комплекс инструментов российского влияния на Балканах, изучив как экономические интересы России в регионе, так и трансформацию ее действий под углом геополитики. Введение Чжу этих тем (геополитика и экономические интересы) позволило говорить уже о геэкономическом подходе к рассмотрению роли России в регионе, утверждать, что Россия рассматривает Балканы как «неотъемлемую часть своего исторического и национального сознания, как составляющую российских интересов». Российские политические цели, по мнению эксперта, заключаются в «ограничении влияния США и НАТО на Балканах, расширении и усилении своего присутствия». Чжу выделил и описал три стратегических инструмента России на Балканах: «использование балканских кризисов, применение энергетического рычага для расширения экономического влияния, стимулирование религиозных и историко-культурных

74 金重远. 百年风云巴尔干. 上海: 复旦大学出版社. 2010. [Цзинь Чжунъюань. Столетие бурных событий на Балканах. Шанхай, 2010.] С. 151.

75 Там же. С. 158.

связей со странами Балкан». По его мнению, Россия «полностью использовала кризисы, вызванные распадом Югославии, [...] с целью помешать странам Запада реализовать эффективную политику в югославском кризисе, ослабить способность Европы и США решать балканские конфликты и повысить престиж России». По мнению эксперта, особенность действий российской дипломатии заключалась в «выстраивании регионального взаимодействия в рамках “цивилизационного или национального разграничения” при опоре на православному идентичность или панславизм»⁷⁶.

В 2018 г. была опубликована книга старшего преподавателя Университета АОН Китая Ли Ти «Россия и Балканы: исторический анализ с позиций геополитики» (2018), преобразованная автором из ее докторской диссертации (под руководством Чжу Сяочжуна) на тему «Историческая эволюция политики России в отношении Балкан». Монография описывает эволюцию политики России в регионе с конца XVII века до наших дней. Ли, как это указано и во введении, придерживается тезиса о постоянном влиянии на формирование российской политики «панславизма и идеи великодержавности в русской национальной культуре»⁷⁷. В главе «Политика России на Балканах в период Ельцина», название которой было созвучно с монографиями, которые публиковали китайские авторы в начале 2000-х гг., Ли Ти уделила основное внимание именно войне в БиГ. В целях анализа изменений в позициях России автор изучила влияние действий НАТО на ее политику, а также рассмотрела противостояние между Москвой и Брюсселем в ряде кризисов. По ее мнению, именно вмешательство Североатлантического альянса в проблемы бывшей Югославии в конечном итоге побудило Москву отказаться от ее прозападной «однобокой» балканской политики как «наносящей непосредственный ущерб стратегическим интересам России»⁷⁸. Со ссылкой на взгляды Джеймса Хедли (James Headley) Ли также сделала вывод, что подавление США великодержавного сознания России оказалось контрпродуктивным и спровоцировало «его усиленное проявление». В подтверждение Ли Ти привела признание Россией Македонии в 1992 г. до того, как это сделало ЕС,

76 朱晓中. 俄罗斯在巴尔干的地缘政治利益 // 俄罗斯学刊. [Чжу Сяочжун. Геополитические интересы России на Балканах // Академический журнал исследований России.] 2016. № 6 (04). С. 7–8.

77 李提. 俄罗斯与巴尔干: 地缘政治视角下的历史探视. 北京: 人民出版社. 2018. [Ли Ти. Россия и Балканы: исторический анализ с позиций геополитики. Пекин, 2018.] С. 4.

78 Там же. С. 100.

ставшее, по ее мнению, самостоятельным шагом Москвы без синхронизации с Западом. Ли трактовала этот шаг как проявление Россией ее великодержавного статуса⁷⁹. Под влиянием «идеи великодержавности» произошло и подключение России к боснийской проблеме, для того чтобы не только «защитить интересы Сербии как своего союзника», но и «сохранить собственное великодержавное достоинство»⁸⁰. Примером этого, по ее мнению (и вновь со ссылкой на Хедли), стало и успешное решение Москвой «кризиса ультиматума» в феврале 1994 г., когда международное сообщество убедилось в том, что Россия, во-первых, имеет особые интересы на Балканах; во-вторых, по-прежнему является одной из основных сил в Европе; в-третьих, играя «роль посредника в конфликте в БиГ, еще больше укрепляет свой статус великой державы». Разница в мощи между Россией и НАТО не позволяла Москве «стремиться к максимально возможной защите собственных интересов для поддержания достоинства великой державы, а только при сохранении согласованности с Западом»⁸¹. Поэтому «проводившаяся Россией однобокая внешняя политика» оказалась отражением «возможностей ее дипломатии и стратегических намерений» соответствующего периода эпохи Ельцина, когда «первоочередной задачей России было восстановление экономики», а внешняя политика служила «проведению внутренних экономических реформ». Именно этими рассуждениями Ли Ти обосновала вывод о сложности «полного отрицания разумности односторонней политики России ельцинской эпохи»⁸².

Заключение

Анализ китайскими учеными политики России в отношении войны в Боснии, как правило, учитывал три основных аспекта: ее традиционные исторические связи с народами бывшей Югославии (особенно с сербами), включая культурные, религиозные и этнические узы; во-вторых, геополитические интересы России в регионе; в-третьих, динамику отношений между Россией и государствами Запада.

С 1996 г. (после заключения Дейтонских соглашений) в китайской научной литературе отчетливо прослеживается эволюция взглядов на роль России в урегулировании боснийского кризиса. Сложившийся в первой половине 1990-х консенсус о том, что проводившаяся с 1992 г.

79 Там же. С. 103–104.

80 Там же. С. 104.

81 Там же. С. 105.

82 Там же. С. 95.

внешняя политика России наносила ущерб ее национальным интересам, трансформировался в более разносторонний подход. Основная характеристика этой корректировки заключалась в постепенном смещении российской дипломатии от идеологической идеализации Запада к основанному на национальных интересах более прагматичному курсу.

Несмотря на то, что действия России на Балканах рассматривались китайскими учеными как важная составная часть изменения российской внешней политики, они на довольно долгое время (2005–2016 гг.) вышли из центра внимания китайского академического сообщества. Возрождение в последние годы интереса к исследованию балканской политики России тесно связано с началом реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» и продвижением стратегии сопряжения «Одного пояса, одного пути» с Евразийским экономическим союзом.

Геополитическое противостояние России и НАТО, приведшее к российско-украинскому конфликту, вернуло некоторый интерес к событиям в Югославии в 1990-е гг. и действиям России, тем не менее новых книг к настоящему времени еще не написано. Ведущие китайские эксперты-международники ограничились переизданием своих прежних трудов. Урожайным оказался 2024 год. Вышла книга Хао Шиюаня (первое издание – 1999 г.) «Имперская гегемония и балканский пороховой погреб: интерпретация реальности Косово на основе истории Югославии»⁸³. Сотрудники Института РВЕиЦА опубликовали многотомное исследование⁸⁴, повторив в томе «Дипломатия» прежние оценки. Монографию «Кризис и порядок» (в трех томах) опубликовал также Фэн Шаолэй⁸⁵. Во всех этих работах политика и действия России на постъюгославском пространстве, как и до этого, рассматривались авторами как наиболее существенное проявление корректировки ее внешнеполитической стратегии. Однако в целом в этих книгах авторы почти перестали упоминать о действиях России в БиГ, уделив приоритетное внимание Косово и соответствующим шагам России.

83 郝时远. 帝国霸权与巴尔干“火药桶”——从南斯拉夫的历史解读科索沃的现实. 北京: 社会科学文献出版社, 2024. [Хао Шиюань. Имперская гегемония и балканский пороховой погреб: интерпретация реальности Косово на основе истории Югославии. Пекин, 2024.]

84 俄罗斯三十年 (1991–2021) (外交卷) / 柳丰华主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2024. [Тридцать лет России (1991–2021) (Том: Дипломатия) / под ред. Лю Фэнхуа. Пекин, 2024.]

85 冯绍雷. 危机与秩序. 上海: 上海人民出版社. 2024. [Фэн Шаолэй. Кризис и порядок. Шанхай, 2024.]

Источники и литература

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. С. 744.

Янь Лэй. Война в Боснии (1992–1995 гг.): реакция России в оценках китайских экспертов (по научным публикациям первой половины 1990-х годов) // Славяноведение. 2025. № 6. С. 111–125. DOI: 10.7868/S2949392725060105

陈传金. 冷战后地区冲突国际化的典型——试析波黑问题与大国外交的关系 // 国际展望. [Чэнь Чжуаньцзинь. Типичный пример интернационализации региональных конфликтов после окончания холодной войны – пробный анализ взаимосвязи между проблемой Боснии и Герцеговины и дипломатией великих держав // Международное обозрение.] 1996. № 6. С. 100–105.

陈新明. 十八世纪以来俄罗斯对外政策 (下卷). 北京: 中共中央党校出版社. 2012. [Чэнь Синьмин. Внешняя политика России с XVIII века. Пекин: Изд-во Партийной школы при ЦК КПК, 2012. Т. II.] С. 405–891.

俄罗斯三十年 (1991–2021) (外交卷) / 柳丰华主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2024. [Тридцать лет России (1991–2021). Том «Дипломатия» / ред. Лю Фэнхуа. Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 2024.] 350 с.

俄罗斯十年: 政治 经济 外交(上下卷) / 潘德礼、许志新主编. 北京: 世界知识出版社, 2003. [Десять лет в России: политика, экономика, дипломатия / ред. Пан Дели, Сюй Чжисинь. Пекин: Знания о мире, 2003. Т. 1–2.] 989 с.

俄罗斯与大国及周边关系 / 冯绍雷、相蓝欣主编. 上海: 上海人民出版社, 2005. [Чэнь Шипин. Отношения России с странами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы // Отношения России с великими державами и соседями / ред. Фэн Шаолэй, Сян Ланьсинь. Шанхай, 2005.] С. 247–269.

俄罗斯与当代世界 / 李静杰、郑羽主编. 北京: 世界知识出版社, 1998. [Россия и современный мир / ред. Ли Цзинцзе, Чжэн Юй. Пекин: Знания о мире, 1998.] 454 с.

冯绍雷. 危机与秩序. 上海: 上海人民出版社, 2024. [Фэн Шаолэй. Кризис и порядок. Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 2024.] 1045 с.

冯绍雷. 制度变迁与对外关系: 1992年以来的俄罗斯. 上海: 上海人民出版社, 1997. [Фэн Шаолэй. Системные изменения и внешние связи: Россия после 1992 г. Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 1997.] 570 с.

郝时远. 帝国霸权与巴尔干“火药桶”——从南斯拉夫的历史解读科索沃的现实. 北京: 社会科学文献出版社, 1999. [Хао Шиюань. Имперская гегемония и балканский пороховой погреб: интерпретация реальности Косово

на основе истории Югославии. Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 1999.] 499 с.

郝时远. 帝国霸权与巴尔干“火药桶”——从南斯拉夫的历史解读科索沃的现实. 北京: 社会科学文献出版社, 2024. [*Хао Шиюань*. Имперская гегемония и балканский пороховой погреб: интерпретация реальности Косово на основе истории Югославии. Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 2024.] 516 с.

金重远. 百年风云巴尔干. 复旦大学出版社, 2010. [*Цзинь Чжунъюань*. Столетие бурных событий на Балканах. Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 2010.] 259 с.

李提. 俄罗斯与巴尔干: 地缘政治视角下的历史探视. 北京: 人民出版社, 2018. [*Ли Ти*. Россия и Балканы: исторический анализ с позиций геополитики. Пекин: Народное изд-во, 2018.] 227 с.

林军. 俄罗斯外交史稿. 北京: 世界知识出版社, 2002. [*Линь Цзюнь*. Очерки истории российской дипломатии. Пекин: Знания о мире, 2002.] 524 с.

柳丰华. “铁幕消失之后”俄罗斯西部安全环境与西部安全战略. 北京: 华龄出版社, 2005. [*Лю Фэнхуа*. После исчезновения железного занавеса: безопасная среда западной части России и стратегия обеспечения ее безопасности. Пекин: Изд-во Хуалин, 2005.] 380 с.

陆齐华. 俄罗斯和欧洲安全. 北京: 中央编译出版社, 2001. [*Лу Цихуа*. Россия и европейская безопасность. Пекин: Изд-во бюро переводов при ЦК КПК, 2001.] 421 с.

马细谱. 巴尔干纷争. 北京: 北京大学出版社, 1999. [*Ма Сунь*. Балканские конфликты. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 1999.] 465 с.

马细谱. 波黑内战透析 // 世界历史. [*Ма Сунь*. Анализ гражданской войны в Боснии // Мировая история.] 1996. № 3. С. 110–115.

马细谱. 南斯拉夫兴亡. 北京: 社会科学文献出版社. 2009. [*Ма Сунь*. Взлет и падение Югославии. Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 2009.] 537 с.

南斯拉夫的变迁 / 赵乃斌、汪丽敏主编. 广州: 广东人民出版社, 2002. [*Перемены в Югославии* / ред. Чжао Найбинь, Ван Лиминь. Гуанчжон: Гуандунское народное изд-во, 2002.] 509 с.

新俄罗斯: 政治、经济、外交 / 薛君度、陆南泉主编. 北京: 中国社会科学院出版社, 1997. [*Новая Россия: политика, экономика, дипломатия* / ред. Сюэ Цзюньду, Лу Наньцюань. Пекин: Изд-во Китайской академии общественных наук, 1997.] С. 343–360.

许志新. 俄罗斯对南斯拉夫政策: 历史与现实 // 东欧中亚研究. [*Сюй Чжисинь*. Югославия во внешнеполитической стратегии России: история и современность // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии.] 2001. № 5. С. 18–23, 95–96.

许志新. 俄罗斯对外战略中的南斯拉夫 // 强人弱勢——米洛舍维奇的下台和入狱 / 邢广程主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2004. [Сюй Чжисинь. Югославия во внешнеполитической стратегии России // Сильный человек в слабой позиции – падение и арест Милошевича / ред. Син Гуанчэн. Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 2004.] С. 269–284.

叶利钦时代的俄罗斯 (外交卷) / 学刚、姜毅主编. 北京: 人民出版社, 2001. [Россия в эпоху Ельцина. Т. 3. Дипломатия / ред. Сюэ Гана, Цзян И. Пекин: Народное изд-во, 2001.] 375 с.

郑羽. 既非盟友, 也非敌人: 苏联解体后的俄美关系 (下卷). 北京: 世界知识出版社. 2005. [Чжэн Юй. Ни союзники, ни враги: российско-американские отношения после распада СССР. Пекин: Знания о мире, 2005. Т. II.] С. 517–1021.

朱晓中. 俄罗斯在巴尔干的地缘政治利益 // 俄罗斯学刊. [Чжу Сяочжун. Геополитические интересы России на Балканах // Академический журнал исследований России.] 2016. № 6 (4). С. 5–12.

朱行巧. 从世界热点——前南危机及波黑战争看大国关系 // 世界经济与政治. [Чжу Синцяо. Взгляд на отношения великих держав из горячих точек мира – кризиса на постсоветском пространстве и войны в Боснии и Герцеговине // Мировая экономика и политика. 1996.] № 10. С. 24–27.

左凤荣, 陆南泉, 王郦久. 关于叶利钦的60个疑问 // 世界知识. [Цюо Фэнжун, Лу Наньцюань, Ван Лицзю. Шестьдесят вопросов о Ельцине // Знания о мире.] 2007. № 10. С. 44–51.

References

Chen Chuanjin. *Lengzhan hou diqu chongtu guojihua de dianxing—shixi Bohei wenti yu daguo wajiao de guanxi*. Guoji zhanwang, 1996, no 6, pp. 100–105.

Chen Shiping. "Eluosi yu Zhong Dongou, Dongnanou guojia guanxi". *Eluosi yu daguo ji zhoubian guanxi*, ed. by Feng Shaolei and Xiang Lanxin. Shang hai: Shanghai Renmin Chubanshe, 2005, pp. 247–269.

Chen Xinming. *Shibajishiji yilai Eluosi duiwai zhengce (xia juan)*. Beijing: Zhonggong Zhongyang Dangxiao Chubanshe, 2012, 891 p.

Feng Shaolei. *Weiji yu zhixu*. Shanghai: Shanghai Renmin Chubanshe, 2024, 1045 p.

Feng Shaolei. *Zhidu bianqian yu duiwai guanxi: 1992 nian yilai de Eluosi*. Shanghai: Shanghai Renmin Chubanshe, 1997, 570 p.

Hao Shiyuan. *Diguo baxuan yu Balkan "huoyaotong": cong Nansilafu de lishi jiedu Kesuowo de xianshi*. Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 1999, 499 p.

Hao Shiyuan. *Diguo baxuan yu Balkan "huoyaotong": cong Nansilafu de lishi jiedu Kesuowo de xianshi*. Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 2024, 516 p.

Jin Zhongyuan. *Bainian fengyun Balkan*. Shanghai: Fudan Daxue Chubanshe, 2010, 259 p.

- Kissindzher, G. *Diplomatiia*. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Ladomir», 1997, 847 p.
- Li Jingjie and Zheng Yu, eds. *Eluosi yu dangdai shijie*. Beijing: Shijie Zhishi Chubanshe, 1998, 454 p.
- Li Ti. *Eluosi yu Balkan: diyuan zhengzhi shijiaoxia de lishi tanshi*. Beijing: Renmin Chubanshe, 2018, 227 p.
- Lin Jun. *Eluosi wajiao shigao*. Beijing: Shijie Zhishi Chubanshe, 2002, 524 p.
- Liu Fenghua, ed. *Eluosi sanshi nian (1991–2021) (wajiao juan)*. Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 2024, 350 p.
- Liu Fenghua. “*Tiemu xiaoshi zhihou*” *Eluosi xibu anquan huanjing yu xibu anquan zhanlüe*. Beijing: Hualing Chubanshe, 2005, 380 p.
- Lu Qihua. *Eluosi he Ouzhou anquan*. Beijing: Zhongyang Bianyi Chubanshe, 2001, 421 p.
- Ma Xipu. *Balkan fenzheng*. Beijing: Beijing Daxue Chubanshe, 1999, 465 p.
- Ma Xipu. *Bohei neizhan touxi. Shijie lishi*, 1996, no 3, pp. 110–115.
- Ma Xipu. *Nansilafu xingwang*. Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 2009, 537 p.
- Pan Deli and Xu Zhixin, eds. *Eluosi shi nian: zhengzhi, jingji, wajiao (shangxia juan)*. Beijing: Shijie Zhishi Chubanshe, 2003, 989 p.
- Xu Zhixin. “Nansilafu zai Eluosi duiwai zhanlüe zhong.” *Qiangren ruoshi—Miluosheweiqi de xiatai he ruyu*, ed. by Xing Guangcheng. Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 2004, pp. 269–284.
- Xu Zhixin. *Eluosi dui Nansilafu zhengce: lishi yu xianshi. Dongou Zhongya Yanjiu*, 2001, no 5, pp. 18–23, 95–96.
- Xue Gang and Jiang Yi, eds. *Yelixin shidai de Eluosi (wajiao juan)*. Beijing: Renmin Chubanshe, 2001, 375 p.
- Xue Jundu and Lu Nanquan, eds. *Xin Eluosi: zhengzhi, jingji, wajiao*. Beijing: Zhongguo Shehui Kexue Chubanshe, 1997, pp. 343–360.
- Yan Lei. “*Voina v Bosnii (1992–1995 gg.): reaktsiia Rossii v otsenkakh kitaiskikh ekspertov (po nauchnym publikatsiiam pervoi poloviny 1990-kh godov)*.” *Slavianovedenje*, 2025, no 6, pp. 111–125. DOI: 10.7868/S2949392725060105
- Zhao Naibin and Wang Limin, eds. *Nansilafu de bianqian*. Guangzhou: Guangdong Renmin Chubanshe, 2002, 509 p.
- Zheng Yu. *Ji fei mengyou, ye fei diren: Sulian jieti hou de Eluosi—Meiguo guanxi (xia juan)*. Beijing: Shijie Zhishi Chubanshe, 2005, 1021 p.
- Zhu Xiaozhong. *Eluosi zai Balkan de diyuan zhengzhi liyi. Eluosi xuekan*, 2016, vol. 6, no 4, pp. 5–12.
- Zhu Xingqiao. *Cong shijie redian—Qian Nan wei ji Bohei zhanzheng kan daguo guanxi. Shijie jingji yu zhengzhi*, 1996, no 10, pp. 24–27.
- Zuo Fengrong, Lu Nanquan, and Wang Lijiu. *Guanyu Yelixin de 60 ge yiwen. Shijie zhishi*, 2007, no 10, pp. 44–51.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.10

Yan Lei

**The Bosnian War (1992–1995) and Russia’s Response:
Chinese Historiography from the 1995 Dayton Accords to the Present**

Yan Lei

PhD Student

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: 846928122@qq.com

ORCID: 0009-0008-9444-4265

Citation

Yan Lei. The Bosnian War (1992–1995) and Russia’s Response: Chinese Historiography from the 1995 Dayton Accords to the Present // *Slavic Almanac*. 2026. No. 1–2. P. 217–249 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.10

Received: 01.11.2025.

Revised: 07.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

The article examines Chinese historiography regarding Russia’s policy, actions, and role in the Bosnian conflict (1992–1995). The author analyzes the evolution of Chinese scholarly perspectives on Russia’s diplomatic efforts during the Yugoslav crisis and identifies key trends in how Moscow’s position is interpreted within China’s academic community. Particular attention is given to how Chinese researchers assess the impact of the Bosnian conflict on the formation of post-Soviet Russia’s foreign policy, its relations with the West, and its standing in the international arena. The study also considers how Chinese historians’ analytical approaches have shifted in response to changes in the global geopolitical environment over the past decades. Three primary thematic pillars are highlighted: Russia’s historical ties with the peoples of the former Yugoslavia (specifically the Serbs), Russia’s geopolitical interests in the Balkans, and the dynamics of its relations with Western states. The early 1990s consensus that Russia’s post-1992 foreign policy harmed its national interests gradually shifted toward a more nuanced assessment. Chinese historiography emphasizes the steady transition of Russian diplomacy from ideologically driven approaches to a more pragmatic policy centered on national interests.

Keywords

Bosnian War, Chinese historiography, Chinese scholarly perspectives, Russia’s foreign policy, the Balkans.